

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Два проэкта церковной реформы.

Въ Синодскихъ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 4) опубликованы предположенія по вопросу объ отношеніи государственной власти къ Православной церкви, внесенныя Оберъ-прокуроромъ Св. Синода на разсмотрѣніе Совѣта министровъ и сводящіяся къ необходимости установленія слѣдующихъ основныхъ положеній:

„1) Неуклонно проводя въ жизнь дѣйствіе Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, правительство обязано силой основныхъ законовъ неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ.

2) Ограждая интересы православія въ соотвѣтственной области церковно-государственныхъ правоотношеній, правительство признаетъ за православною русскою церковью полную свободу внутренняго управленія и самоустроенія на основаніи соборныхъ правилъ и ея собственныхъ установленій и узаконеній, наблюдая лишь за соотвѣтствіемъ церковныхъ распоряженій общимъ законамъ государства.

3) Признавая необходимость широкихъ реформъ во всѣхъ сторонахъ внутренней жизни православной русской церкви, правительство всецѣло относитъ это великое и святое дѣло въ вѣдѣніе самой церкви въ лицѣ предстоящаго помѣстнаго всероссійскаго церковнаго собора. Содѣйствовать успѣшному осуществленію собора и проведенію въ жизнь его будущихъ

постановленій по мѣрѣ государственной въ томъ необходимости правительство почитаетъ своимъ долгомъ.

4) Въ виду особой важности дѣла устроенія православныхъ приходоѡ правительствомъ, поскольку предстоящая церковно-приходская реформа будетъ касаться государственнаго вѣдѣнія, считаетъ долгомъ пойти въ этомъ дѣлѣ навстрѣчу заботамъ церкви и оказать полное свое содѣйствіе къ осуществленію тѣхъ церковныхъ предначертаній, которыя потребуютъ санкціи государственной власти и закона.

5) вмѣстѣ съ тѣмъ правительство считаетъ своею обязанностью не только предъ господствующей церковью, но и предъ самимъ народомъ и государствомъ имѣть неотложную заботу о должномъ обезпеченіи матеріальнаго быта приходскаго православнаго духовенства путемъ ассигнованія на этотъ предметъ необходимыхъ суммъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

6) Считая духовно-школьное образованіе дѣтей православнаго духовенства, какъ кандидатовъ на пастырство, дѣломъ свободнаго усмотрѣнія и распоряженія самой церкви, правительство съ своей стороны признаетъ справедливымъ и полезнымъ предоставленіе воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній свободнаго выхода въ свѣтскія учебныя заведенія; а равно и другихъ предоставленныхъ этимъ учебнымъ заведеніемъ правъ, подъ условіемъ соответствія общаго уровня образовательнаго курса духовной школы курсу свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

7) Признавая, что дѣло просвѣщенія народа составляетъ не только неотъемлемое право церкви, но и священную ея обязанность, правительство полагаетъ, что какъ существующія, такъ равно и вновь открываемыя церковныя школы должны наравнѣ со школами другихъ наименованій и вѣдомствъ войти, какъ отдѣльная крупная величина, въ общую сѣть тѣхъ разсадниковъ народнаго просвѣщенія, которыми государство обязано удовлетворить назрѣвшую нужду всеобщаго народнаго образованія въ Россіи“.

Никто не станетъ отрицать, что эти „предположенія“ г. оберъ-прокурора представляютъ собою большой важности документъ. Какъ и слѣдовало ожидать, періодическая печать обратила должное вниманіе на эти „предположенія“,

касающіяся одного изъ самыхъ острыхъ вопросовъ русской современной жизни.

Оффиціозная „Россія“ пишетъ по этому поводу: „За послѣдніе года мѣропріятія правительства въ области церковнаго законодательства, начиная съ указа 17 апрѣля 1905 г., касались исповѣданій иностранныхъ, т. е. не православныхъ и шли неуклонно по пути расширенія правъ послѣднихъ. Православная церковь оставалась какъ бы въ забвеніи. Нѣкоторымъ исповѣданіямъ, какъ напримѣръ старообрядцамъ и сектантамъ, даны даже были права, какими не пользуется сама православная церковь; таковъ напр. законъ 17 октября 1906 года о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ. Смущенные этимъ закономъ и общимъ направленіемъ церковной политики правительства, многіе ревнители православія спрашивали себя, да не угрожаетъ ли православной церкви серьезная опасность, не приводитъ ли наше время къ разрыву многовѣковаго союза православной церкви и русской государственности.

Вышеупомянутое сообщеніе кладетъ, повидимому, предѣль этимъ опасеніямъ. По удовлетвореніи неотложныхъ нуждъ другихъ исповѣданій, правительство обращаетъ свое вниманіе и къ православной церкви.

Если предначертаніямъ оберъ-прокурора суждено получить осуществленіе, то слѣдуетъ признать, что положеніе православной церкви будетъ опредѣлено въ государствѣ совершенно правильно.

Подтверждается ея положеніе господствующаго исповѣданія, при чемъ правительство признаетъ себя обязаннымъ „силою основныхъ законовъ неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ прав. церкви, какъ господствующей въ государствѣ“.

Но что еще важнѣе, такъ это то, что за православіемъ предполагается обезпечить возможность внутренняго господства—самостоятельнаго развитія и „полную свободу внутренняго управленія, и самоустроенія“. Внѣшнее признаніе правъ господствующей церкви для исповѣданія, считающаго въ числѣ своихъ послѣдователей больше половины населенія государства, конечно, не такъ цѣнно какъ именно право самостоятельнаго внутренняго господства. Церковь — для церкви, а не церковь для государства.

Внѣшнимъ выраженіемъ этого признанія церковной сво-

боды служить созваніе помѣстнаго собора, успѣшному осуществленію коего правительство по словамъ сообщенія, считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать. Этимъ разсѣиваются часто раздававшіяся за послѣднее время сомнѣнія многихъ о томъ, да будетъ ли самый соборъ, не положить ли все дѣло обновленія православной церкви подъ сукно.

Оставляя за самую церковью, въ лицѣ собора, будущее ея устройство, правительство, согласно представленію оберъ-прокурора, намѣрено само содѣйствовать правильной постановкѣ нѣкоторыхъ сторонъ церковной жизни. Въ числѣ ихъ сообщеніе указываетъ давно назрѣвшіе вопросы о благоустроеніи приходской жизни, объ обезпеченіи матеріальнаго быта приходскаго духовенства и о свободномъ доступѣ дѣтей духовенства въ свѣтскія учебныя заведенія. Мѣры эти, направленныя къ тому, чтобы имѣть духовныхъ пастырей не по нуждѣ, а по призванію, откроютъ въ нашей церковной жизни новую исторію. Привѣтствуя по сему выступленію оберъ-прокурора на путь устройства положенія православной церкви, мы отъ души желаемъ изложеннымъ выше предположеніямъ скорѣйшаго осуществленія.

„Петербургскій „Колоколь“ посвятилъ цѣлую передовую статью выясненію значенія этого „историческаго“ документа. Конечно „Колоколь“ остался очень удовлетвореннымъ этими „предположеніями“ г. оберъ-прокурора. Анализируя содержаніе „историческаго“ документа, онъ говоритъ:

„По самому содержанію этотъ документъ можетъ быть названъ историческимъ актомъ. Въ немъ органъ правительственной власти впервые высказываетъ ясно и рѣшительно тѣ новыя для правительства принципы, осуществленія которыхъ давно, а особенно въ послѣднее время жаждутъ и ждутъ люди, преданные основной соборно-канонической конституціи Церкви.

Какъ извѣстно, настоящій моментъ представляется особенно напряженнымъ въ отношеніи церковныхъ дѣлъ и вопросовъ. Прежде всего работы предсоборнаго присутствія, произведшаго строгую каноническую переоцѣнку всего существующаго церковнаго нашего строя, возбудили въ церковныхъ сферахъ скорбь о настоящемъ, тревогу за будущее и рѣшительное убѣжденіе въ неотложности и неизбѣжности

церковныхъ реформъ. Всѣ ждутъ собора, на него только и уповаютъ, какъ на всеисцѣляющую панацею.

Между тѣмъ, въ церковныхъ сферахъ ничего нѣтъ яснаго и опредѣленнаго на этотъ счетъ. Традиціонная подозрительность церковныхъ людей въ отношеніи правительственной власти, доселѣ властвовавшей въ церковномъ управленіи, склонна объяснять эту неясность и неопредѣленность относительно собора и предстоящихъ реформъ за счетъ узурпаторства свѣтской власти въ Синодѣ, которой де жалко разстаться съ вѣковымъ дѣйствующимъ въ Синодѣ режимомъ.

Въ тоже время лѣвныя оппозиціонныя партіи и обновительное движеніе въ духовенствѣ стараются играть на этой больной струнѣ и церковныхъ людей и пастырей, доказывая въ своихъ новоиспеченныхъ церковныхъ программахъ, что революція и оппозиція благодѣтельны и для церкви, что они только и дадутъ ей принадлежащую самой природѣ церкви свободу, а что-де правительство никогда не допуститъ собора и не освободитъ свою „служанку“ церковь, не обезпечить бѣдное и бѣдствующее наше духовенство и проч.

А потому настоящее заявленіе оберъ-прокурора Св. Синода какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ интересу данной боевой и тревожной минуты. Правительство вполне искренно, ясно и честно заявляетъ свою точку зрѣнія и свои отношенія къ современному положенію церковныхъ дѣлъ. Заявленіе это прежде всего должно разсѣять сгустившійся послѣ предсоборнаго присутствія туманъ въ самихъ духовныхъ сферахъ. Власть свѣтская даетъ церковнымъ сферамъ не только полную свободу дѣйствій относительно предположенныхъ реформъ, но и общаетъ всякое законное содѣйствіе и тѣмъ правительство отражаетъ всѣ нападенія на себя, и справа и слѣва, какъ на тормазъ церковной реформы и внутренней свободѣ. Начинайте, работайте, стройтесь, святые отцы, зодчіе церковныя и архитекторы на почвѣ самоуправленія, „на основаніи соборныхъ правилъ, соборныхъ своихъ установленій и узаконеній“,—это ваше дѣло, вамъ и книга въ руки, государственная власть вамъ не помѣха, а вашъ покорный слуга во всякой нуждѣ. Верховный же руководитель власти, Государь Императоръ—неизмѣнный покровитель православной церкви, какъ господствующей въ православномъ русскомъ государствѣ.

Правительственное заявленіе не оставляетъ безъ освѣщенія ни одного кардинальнаго вопроса въ назрѣвшей церковной реформѣ. Оно останавливается и на приходскомъ вопросѣ и на заботахъ объ обезпеченіи духовенства, сохраненіемъ не только существующихъ кредитовъ, но и отпускомъ новыхъ суммъ на улучшеніе матеріальнаго быта нашего обездоленнаго пастырства.

Это новое вниманіе правительства несомнѣнно подниметь бодрость духа и энергію дѣятельности духовенства, что такъ важно и для нашего смутнаго времени.

Особенную тревогу вызываетъ въ духовныхъ сферахъ предстоящая судьба церковной школы, надъ созиданіемъ которой такъ много и славно потрудилося духовенство. Правительственное заявленіе отводитъ совершенно опредѣленное и почетное мѣсто въ ряду другихъ этому законному дѣтищу церкви.

Не забыта и духовная школа и ея питомцы—дѣти духовенства. Въ высокой степени „справедливо и полезно“ дать право на свободный выходъ питомцамъ духовной школы и въ свѣтскія заведенія и на свѣтскую службу. Этою мѣрою сама церковь и народъ освобождены будутъ лучше всего отъ непризванныхъ слугителей алтаря.

Народу нужны вѣрующіе, убѣжденные пастыри, а невѣрующіе пусть свободно уходятъ на другія поприща дѣятельности. Справедливо говорятъ, что нѣтъ въ жизни болѣе удручающей картины, какъ „шьяная баба и невѣрующій пастырь“.

Предположенія оберъ-прокурора—не есть еще одобренная Высочайше программа всего кабинета. Но голосъ оберъ-прокурора, какъ представителя власти въ этой области—чрезвычайно важенъ и какъ нельзя болѣе своевремененъ. Къ нему, несомнѣнно, внимательно прислушаются нынѣ не только церковныя сферы, но и общество и печать. Духовенство и народъ встрѣтятъ предположенія г. синодальнаго оберъ-прокурора съ радостнымъ чувствомъ полного удовлетворенія“.

„Колоколь“ увѣренъ въ томъ, что „духовенство и народъ“ раздѣлятъ вмѣстѣ съ нимъ „радостное чувство полного удовлетворенія“, ознакомившись съ содержаніемъ оберъ-прокурорскихъ „предположеній“. Но онъ нѣсколько ошибся.

Дѣйствительность не совсѣмъ оправдала его ожиданій. Духовенство и народъ не раздѣлили съ нимъ радости. Напротивъ, „предположенія“ г. оберъ-прокурора вызвали какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смѣшанное чувство неудовлетворенности и серьезныхъ опасеній. Свящ. Константинъ Аггеевъ на страницахъ *Церковнаго Обновленія* (прилож. къ еженедѣльн. „Вѣкъ“, № 5, 1907 г.) даетъ такую общую характеристику разсматриваемому документу:

„Много благъ обѣщаетъ церкви правительственный проектъ, не забыто въ немъ матеріальное обезпеченіе духовенства, обращено вниманіе на питомцевъ духовныхъ школъ... Но все это—чечевичная похлебка, за которую государство хочетъ и въ будущемъ купить права первородства церкви: подчиненіе церкви государству, по мысли нашего правительства, должно остаться неизмѣннымъ фактомъ“.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію „предположеній“ по пунктамъ и останавливая свое вниманіе сначала на двухъ первыхъ изъ нихъ, о. Аггеевъ разсуждаетъ:

„Начало вѣротерпимости и свобода совѣсти съ одной стороны,—стояніе на стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ—съ другой! Какъ извѣстно, одновременное сочетаніе означенныхъ сторонъ имѣло мѣсто во всѣхъ прежнихъ правительственныхъ актахъ. Кто же не знаетъ далѣе, что въ жизни это стояніе на стражѣ неизмѣнно сопровождалось ко вреду церкви стѣсненіемъ другихъ религіозныхъ обществъ, то—есть—нарушеніемъ свободы совѣсти?! И не въ отдѣльныхъ агентахъ власти причина даннаго факта: покровительство одному обществу *implicite* является стѣсненіемъ другихъ... Наше духовенство избаловано, я бы сказалъ сильнѣе: разращено покровительствомъ государственной власти: какой шумъ поднятъ былъ—не утихъ онъ и до сихъ поръ,—когда была дана свобода вѣрѣ раскольникамъ. Что это, какъ не плоды давняго „стоянія нашего правительства на стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви“? Наше глубокое убѣжденіе: не возродится церковь, пока не откажется отъ предлагаемой ей опеки государственной власти“.

Третій пунктъ проекта наводитъ почтеннаго автора на слѣдующія размышленія:

„Святую истину заключаетъ въ себѣ первая половина даннаго „положенія“. На ничто сводится она второю частью. Болѣе того. Правительство общаетъ свое содѣйствіе „проведенію въ жизнь будущихъ постановленій Собора“. Казалось бы, мотивами къ этому можетъ быть религіозная ревность, хотя бы и неумѣстная. Нѣтъ. „По мѣрѣ государственной въ томъ необходимости“. Ужасныя слова! Одно признаетъ государство подлежащимъ проведенію въ жизнь, и будетъ содѣйствовать этому,—другое признаетъ не такъ важнымъ, не будетъ оказывать своей помощи въ осуществленіи. На что же сводится значеніе помѣстнаго Собора?...— Въ самомъ предложеніи своихъ услугъ государство неизбѣжно вторгается въ сферу церковной жизни, и данное „содѣйствіе“ чревато гибельными послѣдствіями для церкви. Не нынѣ—завтра соберется нашъ Соборъ, каковой, очевидно, предусматриваетъ проэктъ, именуя его „помѣстнымъ всероссійскимъ церковнымъ Соборомъ“. Если осуществится составъ Собора по начертанію предсоборной комиссіи въ ея большинствѣ, мы увидимъ въ недалекомъ будущемъ *създъ епископовъ*. Сдѣлаетъ онъ тѣ или иныя постановленія, которыя, конечно, для всѣхъ будутъ имѣть значеніе *частнаго мнѣнія*, съ которымъ вѣрующая совѣсть, можетъ быть, должна будетъ не согласиться.... Къ чему поведетъ и въ какихъ формахъ выразится при этомъ предположеніи, къ глубокому сожалѣнію имѣющимъ характеръ реального факта недалекаго будущаго, содѣйствіе правительственной власти?! Не трудно видѣть, что провозглашенному принципу свободы совѣсти, безъ которой нѣтъ религіозной жизни, угрожаетъ большая опасность“...

Въ подобномъ же родѣ высказывается о проэктѣ и старообрядческая газета „Слово правды“ (№ 9, 1907 г.). Положеніе проэкта объ обязательствѣ правительства „стоять на стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ“ естественно должно было обратить на себѣ вниманіе тѣхъ, кто на опытѣ испыталъ, что значить это „стояніе“ правительства. Опытно знаютъ объ этомъ наши старообрядцы. Поэтому вполне естественно, что это положеніе проэкта вызвало у нихъ невольную тревогу и опасеніе. Въ названной старообрядческой газетѣ мы читаемъ:

„Газета „Слово“, обсуждая въ краткой замѣткѣ внесенныя оберъ-прокуроромъ синода на разсмотрѣніе совѣта министровъ предположенія объ отношеніи государственной власти къ господствующей церкви, называетъ этотъ законопроектъ страннымъ. Прежде всего изъ опубликованнаго текста не видно, кто является творцомъ этихъ „предположеній“: члены ли синода, или самъ г. оберъ-прокуроръ, при чемъ также не ясно: личные ли это его взгляды, или же какъ официальнаго и фактическаго главы русской церкви, который, отождествляя свое мнѣніе съ голосомъ церкви, изрекаетъ свое личное мнѣніе для всеобщаго свѣдѣнія.

Еще больше недоумѣній возбуждаетъ содержаніе „предположеній“, полное противорѣчій, неясностей, недомолвокъ, являющихся или плодомъ спѣшной, неумѣлой работы, или результатомъ мудрой бюрократической предусмотрительности. Здѣсь вскользь упоминается о неуклонномъ проведеніи въ жизнь Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, и рядомъ настойчиво подчеркивается весьма неопредѣленная и растяжимая обязанность государства неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ. Провозглашается полная свобода внутренняго управленія и самоустроенія церкви, и заранѣе опредѣляется, что церковныя реформы должны подлежать вѣдѣнію не церкви вообще, а непременно компетенціи помѣстнаго собора, при чемъ правительство, по мѣрѣ государственной въ томъ необходимости, обязано содѣйствовать успешному осуществленію собора и проведенію въ жизнь его будущихъ постановленій.

Такимъ образомъ, несуществующія и, быть-можетъ, могутъ оказаться и не каноническими съ точки зрѣнія древле-православной церкви, и идущими въ разрѣзъ съ интересами вѣротерпимости вообще соборныя постановленія будутъ проводиться въ жизнь мѣрами гражданской власти. Но кто особенно долженъ быть на стражѣ, такъ это старообрядцы, историческое прошлое которыхъ показало, чего можно ожидать отъ проведенія въ жизнь мѣрами административными соборныхъ постановленій духовной власти. Кто ожегся на молокѣ, тотъ дуется и на воду.

А быть можетъ „проведеніе въ жизнь будущихъ соборныхъ постановленій“ коснется только членовъ государственной церкви; но тогда при чемъ же тутъ свобода совѣсти, если останется та же чиновничья полицейская опека? Да, фруктъ, предложенный послѣ закрытія предсоборнаго присутствія, г. оберъ-прокуроромъ въ официальной формѣ, не изъ доброкачественныхъ и требуетъ для своего изслѣдованія особыхъ санитарныхъ экспертовъ“!

Не совѣмъ удовлетворенъ проектомъ г. оберъ-прокурора и *Церковный Вѣстникъ*. Называя его въ общемъ „знаменательнымъ“ „въ томъ отношеніи, что въ большинствѣ своихъ положеній“ проектъ „совпадаетъ съ программой партіи народной свободы: слѣдовательно, въ мѣрахъ удовлетворенія насущныхъ нуждъ современной Церкви теперь сходятся и общество и правительство“, *Церковный Вѣстникъ* замѣчаетъ однако:

„Но есть одинъ, весьма существенный пунктъ отличающій правительственную программу отъ кадетской, на который необходимо обратить вниманіе: это—пресловутое „господство“ Церкви. Правительство обязуется „неизмѣнно стоять на стражѣ правъ и преимуществъ православной Церкви, какъ господствующей въ государствѣ“, ограждать „интересы православія въ соотвѣтственной области церковно-государственныхъ отношеній“ и т. д. Представители Церкви, повидимому, должны бы только быть признательными правительству за эту привиллегію: кто же изъ чтущихъ свою вѣру и Церковь не пожелаетъ, чтобы и во внѣ, въ учрежденіяхъ, и представителяхъ государства онѣ имѣли благожелательную атмосферу для своего роста и процвѣтанія? Въ дѣйствительности же, этотъ по видимости заманчивый пунктъ министерской программы является гораздо болѣе внушающимъ опасеніе, чѣмъ возбуждающимъ надежды. Если другіе пункты новы и сулятъ новое будущее нашей Церкви и духовенству, то этотъ уже давно извѣданъ, испытанъ и плоды его примѣненія переживаются нами даже до сего дне, чтобы питать въ данномъ случаѣ свѣтлыя упованія. Слишкомъ дорого обошлось Церкви это ея „господство“; это покровительство ей со стороны государственной власти: исторія Церкви за послѣднія 200 лѣтъ позволяетъ безъ всякаго риска замѣнить слово „господство“ словомъ „рабство“, слово—„покро-

вительство“ — словомъ „опека“, связывающая Церковь по рукамъ и ногамъ. Мы вынуждены повторить здѣсь то, что уже не разъ говорилось и нами и другими. Господство Церкви—въ области духа. Если же соблазнится она внѣшнимъ господствомъ, то неминуемо впадетъ въ рабство духовное, чему свидѣтельство предъ нашими глазами. Неужели эти іереи, питающіеся подаваніемъ отъ темнаго и бѣднаго люда, трепещущіе предъ кулакомъ, предъ бариномъ, предъ полицейскимъ урядникомъ, не говоря уже о своемъ духовномъ начальствѣ, трепещущіе, преклоняющіеся, покладливые и уклончивые,—вмѣсто того, чтобы неустрашимымъ пророческимъ словомъ будить совѣсть и напоминать о христіанскихъ идеалахъ, — неужели они представители Церкви „господствующей“? Неужели епископы, напряженнымъ окомъ усматривающіе духъ и направленіе государственной политики, по мановенію администраціи готовы освятить молитвою и подтвердить проповѣдью бюрократическое предначертаніе, перевести за тридцать земель достойнаго священника по докладу не только чиновной персоны, но просто взбалмошнаго помѣщика или невѣжественнаго пристава, обращающіеся иногда съ подвластными имъ сослужителями Христу какъ съ рабами и предупредительные до угодливости предъ мундиромъ и сюртукомъ, — это епископы Церкви „господствующей“, а не рабствующей? Дорогою цѣной заплатила Церковь за государственное покровительство: она сдѣлалась орудіемъ въ рукахъ бюрократіи и сама прониклась бюрократическимъ духомъ, а гдѣ же духъ Христовъ?..

И вотъ теперь мы пожинаемъ плоды такого положенія вещей, изъ коихъ первый—паденіе авторитета духовенства. Конечно, въ низахъ народныхъ оно его сохранило еще: это доказываютъ теперешніе выборы. Но какъ относится къ нему такъ называемое интеллигентное общество (а за нимъ уже пробудившаяся къ сознанію народная масса)? Кажется, при всякихъ политическихъ разномысліяхъ, оно единомысленно въ одномъ—въ высокоумѣнно-пренебрежительномъ взглядѣ на духовенство, какъ на какое-то бесполезное въ государствѣ сословіе, которымъ можно всячески помыкать и которое чуть ли не во всемъ виновато.... бранить духовенство печать крайнихъ партій: у черносотенцевъ оно виновато въ томъ, что „не усмиряетъ“ освободительнаго движенія, у красныхъ

въ томъ, что вдохновляетъ реакцію. Вздумаеть духовенство заявить свое участіе въ освобожденіи народа—опять укоры: одни обвиняють въ революціонерствѣ, другіе—въ поддѣльваніи подъ либеральный ладъ. Не вѣрятъ искренности духовенства, не вѣрятъ, чтобы оно дѣйствовало по самостоятельнымъ убѣжденіямъ и искренней любви къ угнетенному народу. (ср. „Русскій Голосъ“, № 21). А не вѣрятъ потому, что ранѣе оно пребывало въ „господствующемъ“ раболѣпн у бюрократіи, которымъ подавлена у духовенства энергія мысли и воли, угашенъ пылъ чувствъ, скована свобода убѣжденій. Не безъ причины не вѣрятъ...

Выводъ изъ всего тотъ, что и предъ выборами и во время думскихъ засѣданій, гдѣ проэктъ оберъ-прокурора, нужно полагать, подвергнется обсужденію народныхъ представителей, духовенству въ высшей степени осмотрительно слѣдуетъ отнестись къ пункту о „господствующемъ“ положеніи Церкви. Конечно, въ п. 2 правительство теперь признаетъ за православною Церковію свободу самоуправленія и самоустроенія, но слишкомъ печальна пережитая исторія раболѣпнаго „господства“ и слишкомъ, какъ справедливо заявляетъ „Телеграфъ“ (№ 4), „еще не ясно, спутанно сознаніе массъ духовенства относительно истинныхъ религіозныхъ преимуществъ независимости Церкви отъ государства“, чтобы крѣпко не пораздумать надъ тѣмъ, что готовить Церкви общаемая привилегія. Какъ бы второй пунктъ правительственной программы не былъ поглощенъ первымъ! Нужно духовенству, прежде всего, самостоятельно опредѣлить свой путь и самодѣятельно создать авторитетъ своему голосу, а этого можетъ достигнуть оно только объединивъ свое дѣло съ народнымъ: съ народомъ, тоже „господствующимъ“ оно было угнетаемо, съ народомъ же получить свободу, силу и авторитетъ“.

Всѣ отмѣченныя отзывы печати, выражающія недовольство „предположеніями“ касаются главнымъ образомъ первыхъ трехъ пунктовъ проэкта г. оберъ-прокурора. Остальныхъ положеній проэкта они не затрагивають. Несомнѣнно, эти пункты признаются всѣми очень хорошими и вполне отвѣчающими современнымъ требованіямъ. И это дѣйствительно совершенно справедливо. Но разъ главный вопросъ о характерѣ будущихъ отношеній между правительствомъ и церковью оставленъ въ проэктѣ въ прежнемъ видѣ, и эти пункты не-

вольно вызываютъ естественныя опасенія относительно про-
веденія ихъ въ жизнь.

Въ общемъ же нельзя сказать, чтобы общество и печать
единодушно привѣтствовало проэктъ церковной реформы,
предложенный г. оберъ-прокуроромъ. „Предположенія“ г.
оберъ-прокурора были внимательно выслушаны, но они не
вызвали тѣхъ восторговъ, въ которыхъ былъ увѣренъ „Ко-
локоль“.

Гораздо меньше упрековъ со стороны печати вызвалъ къ
себѣ другой проэктъ церковной реформы, предложенный
одною изъ передовыхъ партій—конституціонно-демократи-
ческой. Еще въ февралѣ 1906 г. эта партія составила особую
комиссію для подробной разработки программы по церков-
ному вопросу при чемъ въ составъ комиссіи вошли такіа
компетентныя лица, какъ В. О. Ключевскій, С. Н. Булгаковъ,
С. А. Котляревскій, П. И. Новгородцевъ, а также кн. П. Д.
Долгоруковъ и нѣсколько священниковъ. Но выборный пе-
риодъ и послѣдующія затѣмъ событія не благопріятствовали
ея занятіямъ, такъ что она приступила систематически къ
своей работѣ только лишь зимой прошлаго года. Закончить
своей работы комиссіи пока еще не удалось. Она намѣтила
только слѣдующія общія положенія, опубликованныя въ пе-
чати ранѣе „предположеній“ г. оберъ-прокурора.

„1) Православной русской церкви принадлежитъ право сво-
боднаго самоустроенія на началахъ истинной соборности съ
участіемъ мірянъ, согласно ученію самой церкви. Всѣ уза-
коненія, ставящія высшее церковное управленіе, въ положе-
ніе подчиненнаго орана государственнаго управленія отмѣ-
няются.

2) Обязанности оберъ-прокурора ограничиваются наблю-
деніемъ за закономѣрностью во взаимныхъ отношеніяхъ
церкви и государства и представительствомъ нуждъ церкви
передъ государствомъ. Активное вмѣшательство оберъ-про-
курора въ дѣла церкви и въ опредѣленіе личнаго состава
высшей іерархіи и высшаго церковнаго управленія уstra-
няется.

3) Церковно-приходской общинѣ предоставляются права
юридическаго лица (по пріобрѣтенію собственности, устрое-
нію собраний и участію въ выборахъ на церковныя долж-
ности).

4) Устраняется кастовая замкнутость духовенства путемъ открытія свободнаго доступа въ духовно-учебныя заведенія и на церковныя должности.

5) Съ духовенства снимаются обязанности по веденію всякихъ актовъ гражданскаго состоянія (метрическихъ, оброчныхъ, по воинской повинности, статистическихъ и пр.) и по объявленію съ церковной каѳедры манифестовъ, указовъ и друг. чисто-государственныхъ распоряженій, а также всякія обязанности полицейскаго свойства.

6) Имущественныя права церкви и ассигнованія въ государственнѣй бюджетъ соотвѣтственно выясняющимся нуждамъ церковныхъ причтовъ и учебныхъ заведеній признаются и на будущее время, впредь до болѣе точнаго опредѣленія общихъ отношеній между церковью и государствомъ.

Независимо отъ установленныхъ здѣсь положеній, комиссія затронула также и рядъ другихъ вопросовъ церковнаго быта и между прочимъ признала необходимымъ пересмотрѣть рѣшеніе партіи народной свободы по вопросу объ отчужденіи церковныхъ земель, въ виду того, что эти земли служатъ по преимуществу къ обезпеченію сельскаго церковнаго причта, крайне нуждающагося и совершенно необезпеченнаго, и въ виду того, что размѣры этихъ земель въ большинствѣ случаевъ не превышаютъ той нормы, въ предѣлахъ которой земельные участки признаются неподлежащими отчужденію.

Общія положенія, выработанныя комиссіей, касаются лишь отношенія государства къ православной церкви, отношеніе же государства къ старообрядцамъ и къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ будетъ предметомъ дальнѣйшей работы комиссіи, причемъ въ основу этой работы будутъ положены полная вѣротерпимость и свобода совѣсти, какъ основные принципы к.-д. партіи.

Выработанныя положенія должны служить лишь исходнымъ пунктомъ для разработки церковнаго вопроса въ комиссіи большаго состава при московскомъ отдѣленіи центральнаго комитета, а затѣмъ, по одобреніи проекта центральнымъ комитетомъ, онъ будетъ внесенъ на пятый партійный съѣздъ для включенія въ программу партіи“.

Трудно найти въ этой церковной программѣ к.-д. партіи

что-либо такое, противъ чего можно было бы возражать по существу. Тѣмъ не менѣе „охранительная“ печать косо встрѣтила этотъ проэктъ церковной реформы. Но выставить серьезныхъ возраженій противъ нея она не могла. Она только увидѣла въ этомъ проэктѣ ловушку, разставленную духовенству кадетами, которымъ нужно было привлечь на свою сторону духовенство съ цѣлью использовать его въ настоящемъ выборномъ періодѣ, поэтому она предостерегала духовенство отъ кадетскаго „обмана“. Такъ „Россія“ разсматривая эту программу не по существу, а какъ тактическій пріемъ партіи, говоритъ: „понимая, что на выборахъ довольно серьезную роль придется сыграть нашимъ священникамъ, кадеты заблаговременно поспѣшили сплести соотвѣтствующія сѣти и на всѣ лады пытаются разстановить ихъ. Они, которые, какъ они сами неоднократно заявляли, давно переросли „заблужденія и предрасудки“ господствующей церкви, они, три четверти которыхъ принадлежатъ къ инородцамъ, а въ остальной четверти къ тѣмъ, которые гордятся, что давно освободились отъ всякой вѣры; они, которые во всемъ указѣ о вѣротерпимости интересовались лишь вопросомъ о томъ, можно ли теперь безнаказанно объявлять себя атеистами,—они выступаютъ въ качествѣ радѣтелей о благѣ православнога духовенства!.. Кадеты, которые пекутся о православіи,—развѣ это не издѣвательство надъ православіемъ, и надъ самими собой? Рядъ лѣтъ посвятили они на то, чтобы сдѣлать все отъ нихъ зависящее, дабы въ каждомъ убить всякое религиозное чувство, всей своей дѣятельностью, каждымъ словомъ своимъ, каждой мыслью оскорбляли они безхитростную вѣру православной Россіи, выражали презрѣніе къ православному духовенству и систематически подрывали уваженіе къ нему въ массахъ населенія, и вдругъ они выступаютъ теперь съ особой программой по церковнымъ вопросамъ, выступаютъ въ качествѣ печальниковъ о судьбахъ православія и православнога духовенства!..

Тутъ, однако оказалось не только лицемѣріе. Тутъ сказалось нѣчто худшее... Если опытъ съ „иллюминаціями“ не помогъ, если Выборгская революція провалилась, если бунты, мятежи и политическія убійства не привели къ цѣли,—отчего не попытаются продѣлать опытъ съ православіемъ?... Но... рѣшимся сказать: какой бы ни былъ уровень полити-

ческаго развитія православнаго духовенства, въ массѣ своей оно всетаки настолько культурно, что само сѣмѣетъ оцѣнить по достоинству, чего стоятъ призывы къ духовенству людей, одна изъ основныхъ задачъ которыхъ выражается въ стремленіи подорвать въ населеніи всякое религиозное чувство. И мы не сомнѣваемся, что и этотъ опытъ кадетскихъ главарей, какъ и всѣ предшествующіе, начиная съ „иллюминацій“ и wyborгскаго воззванія и кончая игрой въ конституціоналисты, окончится полной неудачей“...

Точно также и „Колоколь“, разбирая эту программу, съ исполнѣ понятнымъ негодованіемъ восклицаетъ:

„Церковная программа кадетовъ—новый іезуитскій подходъ изомгавшейся, вертлявой партіи къ той средѣ избирателей, которая еще такъ недавно ею не замѣчалась, игнорировалась, а нынѣ понадобилась. Для этой партіи всѣ средства хороши ради побѣды на новыхъ выборахъ и господства въ Государственной Думѣ. Въ прошлые выборы кадеты разными, явно несбыточными и прямо преступными посулами одурачили темныя народныя массы и рабочій классъ, а нынѣ тою же тактикой хотятъ уловить православное духовенство, взявъ подъ свой флагъ и опеку наше такъ называемое церковное обновленческое движеніе“.

Но „прогрессивная“ печать какъ свѣтская, такъ и духовная отнеслась къ проекту съ полнымъ одобреніемъ. *Церковный Вѣстникъ* говоритъ по поводу этого проекта: „въ проектѣ положеній партіи народной свободы церковный вопросъ исполнѣ еще не разобранъ, но нельзя не признать, что въ основу его положены начала, безусловно отвѣчающія природѣ Церкви и искренней вѣрѣ, а также и требованіямъ времени.“

Главное зло въ современномъ положеніи Церкви, какъ объ этомъ всюду заявляется, составляетъ то, что она превратилась въ слугу государства и болѣе работаетъ надъ осуществленіемъ государственныхъ, чѣмъ своихъ собственныхъ задачъ. Несомнѣнно, что она много сдѣлала для данной формы государственной власти, но сдѣлала это въ ущербъ себѣ самой. Терминъ „самодержавіе“ получилъ у насъ религиозную окраску, неразрывно спаянъ съ терминомъ „православіе“ и для многихъ, не только простыхъ, но и интеллигентныхъ людей, имѣетъ значеніе прикладнаго догмата. Намъ

припоминается фактъ, какъ одинъ изъ миссіонеровъ, чело-
вѣкъ съ академическимъ образованіемъ, когда подъ первымъ
впечатлѣніемъ объявленныхъ свободъ устраивались мани-
фестаціи, при встрѣчѣ съ такою процессіей выбилъ изъ рукъ
рабочаго красный флагъ и закричалъ: „да здравствуетъ
православіе и самодержавіе“. Думаемъ, что далѣе такой
ревности по совмѣщенію собственно церковныхъ и полицей-
скихъ функцій идти некуда! Разумѣется—миссіонеръ посту-
пилъ по непосредственному душевному движенію, подъ пер-
вымъ впечатлѣніемъ зрѣлища, но это-то собственно и пе-
чально. Чтобы выбить знамя на глазахъ огромной толпы,
нужно имѣть большое мужество. Можно думать, что у наив-
наго миссіонера говорило даже чувство долга; можетъ быть
онъ счелъ себя даже обязаннымъ, какъ миссіонеръ, высту-
пить въ роли околоточнаго; можетъ быть у него даже мель-
кали мысли и о мученическомъ вѣнцѣ, но при всемъ томъ
какая тутъ обнаруживается нравственная узость!.. Мы, од-
нако, не то хотимъ сказать, что члены православной Церкви
совершаютъ религіозное преступленіе, исповѣдая преданность
самодержавію; люди свободны имѣть политическія воззрѣнія
соотвѣтственно своему общему развитію и пониманію исто-
рическаго хода человѣческой культуры. Мы говоримъ только,
что Церковь уклонилась отъ своего прямого пути и что
уравненіе православія съ какими бы то ни было формами
политическаго склада ведетъ къ приниженію нравственныхъ
принциповъ, къ затѣненію ихъ и къ замѣщенію безуслов-
наго условнымъ, а то и прямо нравственно-преступнымъ.

На страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ (Новгород-
скихъ) въ прошломъ году приводилось признаніе одного
священника: „у меня первый вопросъ на исповѣди: уплатилъ
ли подати?“ Фактъ ужасный и вполне аналогичный
приведенному случаю съ столичнымъ миссіонеромъ. Въ на-
шемъ церковномъ словѣ вообще христіанинъ трактуется не
столько, какъ членъ общества, исповѣдующаго извѣстныя
религіозно-нравственныя положенія, сколько какъ послѣдо-
ватель опредѣленныхъ политическихъ доктринъ. Но какъ же
при такомъ условіи Церковь можетъ нравственно оздоравливать
общество и нравственно поднимать его!

Послѣднимъ, какъ извѣстно, свободно говорилъ о нрав-
ственныхъ принципахъ митрополитъ Филиппъ. Это было на

зарѣ централизаціи власти и самъ митрополитъ происходилъ изъ среды людей (бояръ), которые хорошо помнили лучшія времена—Русь земскую, и которые были воспитаны въ атмосферѣ политической свободы. Фактъ знаменательный и много объясняющій для тѣхъ, кто хочетъ думать!.. Предлагаемъ сопоставить теперь наше время—рѣчи о смертной казни, наконецъ, послѣдній—свѣжій фактъ—дѣло священника Гр. Петрова, противъ котораго давно подняли агитацію „истинно-русскіе люди“ изъ-за политическаго разномыслія и котораго, наконецъ, теперь, по его собственному письменному заявленію, безъ допроса, безъ его оправданій, безъ предъявленія къ нему какихъ бы то ни было обвиненій, вообще безъ формальнаго суда, ссылается въ монастырь съ воспрещеніемъ „вредной“ публицистической дѣятельности. Напомнимъ еще, какъ одинъ изъ архіереевъ недавно сказалъ о поборникахъ освободительнаго движенія, что надо истребить хотя бы и „двѣсти тысячъ“ такихъ враговъ существующаго режима.

Гдѣ же тутъ Евангеліе? Гдѣ тутъ вѣрность Церкви своимъ задачамъ? Политики много, но голоса Христа не слышно! Несчастье тутъ не въ томъ, что Церковь „принуждаютъ“ смѣшивать политику съ религіей, а въ томъ, что она теперь производитъ такое смѣшеніе уже по собственному усердію, по исторической инерціи! Это много печальнѣе, чѣмъ вѣдѣнное принужденіе, котораго въ сущности не существуетъ, потому что не существуетъ нравственнаго сопротивленія...

Мы сказали, что настоящее служебное положеніе Церкви противорѣчитъ еще и искренней вѣрѣ.

По вѣрѣ Церковь сама въ себѣ носить залогъ и не изсякаемый источникъ своей жизни, своего развитія и своего вліянія на жизнь. Между тѣмъ de facto теперь признано и церковной и государственной властью, что Церкви необходима правительственная поддержка, каковой поддержкой она собственно и оправдываетъ свое глубокое подчиненіе государству. Правда—въ наше время полицейская защита Церкви отмѣнена, однако, по существу взглядъ на недостаточность собственныхъ силъ Церкви для обезпеченія ея развитія остался тотъ же. Отброшена только частность, крупная, наиболѣе компрометирующая, ядро же скепсиса сохранено и на этомъ ядрѣ отпечатлѣнъ старый афоризмъ—„Цер-

ковь безъ опеки государства не можетъ существовать“. Положеніе это, какъ извѣстно, принято и предсоборнымъ присутвіемъ.

Но мало того, что такое сужденіе противорѣчитъ искренней вѣрѣ въ неодолимую силу Церкви, оно заключаетъ еще и крупную несообразность. Истинная государственная власть представляетъ собою собственно фокусъ народной воли и народныхъ понятій, такъ какъ иначе между ею и народомъ невозможно нравственное единеніе, и она не можетъ въ глазахъ послѣднихъ имѣть необходимый для себя авторитетъ. А если такъ, то Церковь должна собственно искать союза не съ правительствомъ, а съ народомъ, оставаясь независимой политически и вѣрною своею нравственно-спасающею миссію. Союзъ Церкви противъ собственнаго тѣла не можетъ имѣть для себя, слѣдовательно, оправданій даже и съ точки зрѣнія мудрости „вѣка сего!“...

Такимъ образомъ первое, что намъ необходимо, это освободить Церковь отъ государственной опеки, окупаемой невѣроятно тяжелой цѣною. Задача Церкви воспитаніе, развитіе, укрѣпленіе духа. Все остальное для нея вторыя цѣли и средства—для осуществленія этой основной ея задачи. Ей и должна быть предоставлена свобода трудиться надъ своею задачею. Не можетъ рабъ воспитать свободнаго; не можетъ и Церковь—связанная—не совнѣ, какъ въ періодъ языческихъ гоненій—а внутри, въ самой сокровенной своей сущности—какъ въ наше время—быть руководительницею общества въ развитіи, идти впереди его и указывать ему дорогу въ его движеніи.

Таковы основанія, въ силу которыхъ 1-й пунктъ общихъ положеній проекта партій народной свободы—о томъ, что Церковь должна вполнѣ свободно управляться на началахъ истинной соборности, съ освобожденіемъ отъ всякихъ полицейскихъ обязанностей, мы считаемъ глубоко своевременнымъ и отвѣчающимъ какъ природѣ Церкви, такъ и искренней вѣрѣ въ Церковь.

То же нужно сказать и о положеніяхъ касательно основной церковной клѣточки—церковнаго прихода: безъ автономіи прихода невозможна ни дѣйственность вліянія Церкви на жизнь, ни осуществленіе самой соборности Церкви, которая (соборность) несомнѣнно должна начинаться снизу“.

Также сочувственно относится къ проекту и *Церковно-Общественная Жизнь*, говоря, что „церковная платформа к.-д. удовлетворительно рѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе на почвѣ общественныхъ отношеній церкви“ (№ 4).

А. Карташевъ въ *Странѣ* эту программу рекомендуетъ, „какъ нормальную платформу по церковному вопросу“, и разсуждаетъ по этому поводу такимъ образомъ: Выдумывать другую (платформу) значило бы уже ломиться въ открытую дверь. Гарантій внутренней правоты этой платформы въ глазахъ людей религіозныхъ должны являться личныя качества ея творцовъ. С. Н. Булгаковъ, пламенный поклонникъ Вл. Соловьева, любить церковь православную въ ея идеальной, неизвращенной сущности ревнивой любовью и не уступить ея подлинныхъ, священныхъ правъ никому ни за какую чечевичную похлебку. Его ассистируютъ въ данномъ случаѣ преданные ему соратники въ рясахъ. В. О. Ключевскій не менѣе извѣстенъ своимъ культурно-уважительнымъ и любовнымъ отношеніемъ къ великимъ историческимъ установленіямъ христіанства. А гарантій правовой дѣловитости проекта служить государственная эрудиція всѣхъ его составителей“.

Опубликованіе „предположеній“ г. оберъ-прокурора, явившихся какъ бы „отвѣтнымъ ударомъ“ на проектъ церковной реформы партіи народной свободы, дало поводъ „Телеграфу“ сдѣлать сравнительную оцѣнку этихъ двухъ церковныхъ программъ. Результатомъ этой оцѣнки явилось полное предпочтеніе кадетской церковной платформы предъ проектомъ г. Оберъ-Прокурора.

„Церковная программа партіи н. св. и рекомендація ея въ „Церк. Вѣстн.“ говоритъ газета произвели на совѣтъ министровъ впечатлѣніе: Оберъ-прокуроръ синода счелъ нужнымъ нанести оппозиціи отвѣтный ударъ. Только что опубликованная декларація его построена на скрытой полемикѣ, пунктъ за пунктомъ, съ кадетской программой и носитъ ясно предвыборный, агитаціонный характеръ. Въ смыслѣ обѣщаній духовенству она можетъ сильнѣе заласкать неразборчивый слухъ привычными, мягкостелющими словами и оборотами. Но въ переводѣ на реальный языкъ о щедрости говорить не приходится.

Тамъ отмѣняется всякая опека государства надъ цер-

ковью,—здѣсь она утверждается, согласно буквѣ основныхъ законовъ, подъ флагомъ заботъ о „преимуществахъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ“. Эти заботы простираются даже до „содѣйствія проведенію въ жизнь постановленій“ будущаго собора (!) Тамъ съ духовенства снимаются обязанности по веденію всякихъ актовъ гражданскаго состоянія,—здѣсь объ этомъ полное молчаніе. Тамъ признаются юридическія права прихода и сохраняется матеріальное обезпеченіе духовенства по бюджету,—здѣсь повторяется, только въ другихъ выраженіяхъ, то же самое. Изъ приведеннаго сопоставленія, полагаемъ, ясно, на чьей сторонѣ широта программныхъ обѣщаній.

Только въ двухъ пунктахъ оберъ-прокурорская декларация формулирована счастливѣе кадетской. Тамъ практикуется разбить кастовую замкнутость духовенства путемъ открытія свободнаго элементовъ,—туманный и сомнительный проєктъ, а главное, не интересующій самихъ духовныхъ. Здѣсь вопросъ обращенъ лицомъ къ злободневнымъ интересамъ церковнаго сословія: семинаристамъ открываютъ двери высшихъ учебныхъ заведеній. О томъ умалчивается, что это — уже фактъ, въ обѣщаніяхъ не нуждающійся, и, вовсякомъ случаѣ, не парламентское министерство можетъ грозить ему отмѣной, — благо это звучитъ для сословія пріятно, что и требовалось доказать. Равнымъ образомъ, и обѣщаніе фиксировать институтъ церковно-приходскихъ школъ рассчитано на религиозно - просвѣтительный идеализмъ причтовъ, хотя въ дѣйствительности для большинства подневольныхъ труженниковъ этихъ искусственно культивированныхъ разсадниковъ церковно-славянской грамоты освобожденіе отъ нихъ было бы болѣе заманчиво.

Въ чемъ же собственно заключаются отмѣченныя нами чары и сѣти этой церковно-правительственной демонстраціи? Не въ сущности, а въ словахъ. Расчетъ на то, что выраженія „огражденіе интересовъ православія“, „стояніе на стражѣ правъ и преимуществъ православія“, содѣйствіе ему“ и т. п. рѣшительно привлекутъ къ себѣ сердца всѣхъ служителей церкви. И расчетъ не вполнѣ бесплодный. Еще неясно, спутанно сознаніе массъ духовенства и вѣрующихъ мірянъ относительно истинныхъ религиозныхъ преимуществъ независимости церкви отъ государства. Но если дружный вопль

духовной печати въ теченіе послѣднихъ лѣтъ о порабощеніи церкви государствомъ не есть какое-то наивное, дѣтское недоразумѣніе, а выражаетъ ясную мысль наиболѣе сознательныхъ и передовыхъ церковныхъ силъ, то правительственное обѣщаніе „охранять“ это плѣнное „господство“ православія и впредь должно только черезъ одно это подорвать довѣріе ко всей его программѣ въ глазахъ жизнеспособныхъ элементовъ церкви. А будущія судьбы церкви, конечно, въ рукахъ этихъ элементовъ, а не косной, вѣчно и всему послушной массы“.

Не станемъ больше увеличивать числа сочувственныхъ кадетскому проекту отзывовъ періодической печати. Намъ кажется, что и приведенныхъ отзывовъ вполне достаточно для того, чтобы выяснить, какому проекту дѣйствительно можно сочувствовать, а какому нужно отказать въ этомъ. Мы только считаемъ долгомъ отмѣтить, что проекту к.-д. партіи нужно придавать громадное значеніе. Если Государственная Дума втораго призыва будетъ признана работоспособной и если она избѣгнетъ участи первой Думы, ей несомнѣнно придется обсуждать и церковный вопросъ. И, вѣроятно, церковная реформа будетъ проведена въ томъ видѣ, какой уже намѣченъ к.-д. партіей въ ея церковной программѣ.
